

сына своего князя Василия», но тогда он действовал не самостоятельно: с войском шел «посол царев именем Ачихожа».⁴⁹ Используя русскую военную силу, Мамай посадил тогда на болгарском престоле удобного ему человека. Теперь действовала коалиция русских князей и действовала независимо: «Князь великий Дмитрий Иванович (Московский, — Г. П.) посла князя Дмитрия Михайловича Волинскаго ратию на безбожных Българы, а князь Дмитрий Костянтинович Суждальский посла сына своего князя Василия и другого сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы» (далее следует собственно рассказ об этом походе).⁵⁰ Значит, тот самый князь, которому предназначалась Лаврентьевская летопись, посылал своих сыновей в этот поход. 16 марта, когда работа над летописью близилась к концу (согласно приписке, летопись была закончена 20 марта), русские войска «приидоша к Българом».

Вспомним теперь о географо-политическом круге интересов редактора повести о Батыевом нашествии. Судя по тому, разорение каких городов он считал необходимым описать, хотя и не имел нужных сведений, этот круг ограничивался, как мы видели, Рязанью, Москвой, Владимиром и Суздалем. О разгроме Суздальской земли повесть говорит еще особо: «... и нѣсть мѣста, ни веси, ни сел таѣхъ редко, иде же не воеваша на Суждальской земли...» (л. 162). Великий князь Дмитрий Иванович, посылавший в 1377 г. на Булгар Дмитрия Михайловича Волинского, был великим князем московским и владимирским, а Дмитрий Константинович, для которого предназначалась Лаврентьевская летопись и который послал на Булгар своих сыновей, — «суждальским». Эти два князя были главными в антитатарской коалиции. Описание разгрома татарами их владений должно было особенно сильно действовать как раз на их психику. С другой стороны, образы верных князей, героев повести о Батыевом нашествии, как раз для них двоих лучше всего могли служить образцовым примером. Хотя эти герои и гибнут (начинавшие в XIV в. антитатарскую борьбу князья должны были, разумеется, быть готовы и к такому исходу дела), ясно, что они, не капитулировавшие от страха, внутренне не поддавшиеся татарам, почти святые. Редактор — это очевидно — хотел духовно укрепить и побудить князей к решительным действиям в начинающейся освободительной борьбе с татарами.

Поход на Булгар был успешным: Мамат-Салтан и Асан, правившие там, капитулировали. Но не добыча, конечно, являлась главным результатом этого похода: важно то, что в 1377 г. русские сами начали, и начали удачно, воевать с татарами. Нам, я думаю, трудно сейчас просто представить себе ту гигантскую внутреннюю, общественно-психологическую работу, которая должна была предварить этот, по правде сказать, второстепенный и ничего внешне существенно не изменивший поход. «То были первые шаги открытой национально-освободительной борьбы, открытого сопротивления Мамаю, когда Нижний Новгород выступал совместно с Москвой. Ожилась надежда на освобождение и усилился интерес к прошлому».⁵¹ Интерес к прошлому в те годы должна была питать настоящая общественная потребность переосмыслить историю завоевания татарами Руси, побороть уже почти столетий страх, научиться иначе, смело на них смотреть. Боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле.

Где же литература, которая отвечала бы этой потребности, пересматривала бы прошлое, учила бы антитатарскому мужеству? Она должна

⁴⁹ Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 92.

⁵⁰ Там же, стлб. 116.

⁵¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 435.